
Уильям Блисс Кармен
Поэзия Канады (Блисс Кармен)

Уильям Блисс Кармен

Поэзия Канады (Блисс Кармен)

«Автор»
2024

Блисс Кармен У.

Поэзия Канады (Блисс Кармен) / У. Блисс Кармен — «Автор», 2024

Уильям Блисс Кармен (William Bliss Carman) (15 апреля 1861 - 8 июня 1929) был канадским поэтом, прожившим большую часть своей жизни в Соединенных Штатах, где он достиг международной известности. Он был признан канадским поэтом-лауреатом. Книга «Поэзия Канады (Блисс Кармен)» является первым подробным переводом поэзии Блисса Кармена на русский язык.

© Блисс Кармен У., 2024
© Автор, 2024

Содержание

МЕНЕСТРЕЛИ КАНАДСКИХ РАВНИН 5
КАТЕХИЗИС ЖИВЫХ СУЩЕСТВ 8
ЛИРИКА 15
ГОРНЫЙ ПРОХОД 17
ВОСПОМИНАНИЕ 19
ДИТЯ МОРЯ 21
ПЕСНЯ ПЕРЕД ОТПЛЫТИЕМ 22
АКВАРЕЛЬ 25
ЛЕСНАЯ ДОРОЖКА 29
АПРЕЛЬСКОЕ УТРО 30
«Апрель одевает наряд…» 32
АПРЕЛЬСКОЕ 33
СОЗДАНИЕ ЧЕЛОВЕКА 34
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Поэзия Канады (Блисс Кармен)

МЕНЕСТРЕЛИ КАНАДСКИХ РАВНИН

Поэзия Канады неизвестна русскоязычному читателю. И это тем более странно, ведь в стране проживает огромная диаспора восточных славян, многие из которых хорошо знают свои корни и родной язык. Но не имеют возможности читать родную канадскую поэзию на своем втором родном языке. Да и русскоязычные люди по всему миру хотели бы иметь в библиотеке сборник поэзии из великой северной страны. Не говорю уже о филологических факультетах ВУЗов в России и за рубежом.

Этот скромный труд – попытка в какой-то мере исправить сложившуюся ситуацию. Уверен, что очень многие люди примут и полюбят поэзию Канады, которая, как мне показалось, чем-то напоминает более русскую и украинскую, нежели британскую. И хотя формально она остается англо-саксонской, что, несомненно, связывает ее с великими поэтами Англии, по духу и настрою отстоит несколько в стороне. Но судить читателю, ведь это он главный судья и арбитр каждого написанного слова, каждой авторской мысли и образа.

Принимаясь за работу, я внимательно изучил и проработал не только английскую, но и французскую поэзию Канады. И скажу честно, лично я не нашел во франкоязычной поэзии произведений, достойных представлять это огромное, сложное и многонациональное государство. Разумеется, хорошие поэты там есть, в том же Квебеке, но некая «местечковость» и ограниченность во времени не дает французской поэзии выйти на общенациональный уровень. Это мое личное мнение, никому не навязываю. В свое оправдание могу сказать, что обожаю фроанцузкую поэзию, являюсь переводчиком Бодлера и Рембо, поскольку их переводов Россия не видела более ста лет. За это время в значительной степени изменился литературный язык, и они уже с трудом воспринимались российским читателем. А пока в меня летят французские булыжники, представлю кратко трех, выбранных мной для перевода поэтов Канады.

Люси Мод Монтгомери в стране знает каждый. Известна она, как автор книг о рыжеволосой девочке-сироте Энн Ширли, по ее романам снимались популярные художественные фильмы, слава пришла задолго до смерти. А вот судьба складывалась непросто. Муж, проповедник-кальвинист, страдал психическими расстройствами, так что ей пришлось ухаживать за ним на протяжении всей жизни. К тому же он не раз поколачивал жену, по свидетельствам современников достаточно жестоко. Полагал, что она пытается его отравить. Сама Мод много лет страдала депрессией, но это не помешало ей в 1923 году стать первой канадской женщиной, которая получила членство в Королевском Обществе Гуманитарных наук в Великобритании. В 1926 году семья переехала в Онтарио, а через девять лет в Торонто. Тогда писательница была избрана в институт искусств Франции и получила орден Британской империи. Правительство Канады купило большой земельный участок и открыло национальный парк, куда приезжали поклонники творчества Мод. В начале Второй мировой войны ушел добровольцем на фронт и погиб старший сын. Мод ненадолго пережила его.

Такова вкратце печальная история канадской женщины и поэтессы Люси Мод Монтгомери, офицера ордена Британской империи и литературно-артистического института Франции, человека национального исторического значения в Канаде. В процессе работы над переводами я был покорен ее человеколюбивыми и жизнеутверждающими произведениями, которые останутся теперь со мной на всю жизнь.

Эмили Полин Джонсон заслуживает отдельного слова в любой национальной литературе, не говоря уже о Канаде. Как и предыдущий автор, она включена в официальный государственный список людей национального исторического значения. А судьба Полин, известной также под именем Текахионваке, достаточно экзотична, по крайней мере, для русского читателя. Канадская писательница и театральная актриса была крайне популярна в стране в конце XIX века, многие ее спектакли и произведения посвящены наследию канадских аборигенов. Дело в том, что Полин являлась внучкой верховного вождя могавков, наиболее многочисленных и воинственных племен ирокезов. Ее отец, сын вождя, числился наследником и переводчиком, получив хорошее образование у белых людей. Сородичи были недовольны, что он выбрал в жены белую женщину, англичанку, мать Полин. Его лишили права наследовать титул верховного вождя после смерти отца. Тогда семья оставила индейские поселения и переехала в город. Однако, связи со своей средой не теряла, все дети хорошо знали и английский язык, и родной им язык мохоков (могавков, могауков). Став драматической актрисой, после смерти отца Полин много ездила по стране не только со спектаклями, но и декларировала на публике свои собственные произведения. Индейский фольклор захватывал публику, особенно в исполнении «настоящей» ирокезки в соответствующем наряде, слава ее быстро росла. Возили по стране и пьесы, созданные по мотивам индейских преданий, в которых Полин играла главные роли. Этакая, Буффало Билл с обратным знаком. К тому времени коренное население начало органично вливаться в экономическую и социальную жизнь страны, сглаживались резкие противоположности двух различных культур. Конечно, там были проблемы, хотя и не такие серьезные, как в соседних Штатах. Все они, большинство, по крайней мере, отражены в творчестве Полин Джонсон, в ее трагичных и пронзительных стихах о судьбах истинных хозяев этой земли. И о нелегкой доле индейских женщин, хотя я не заметил и слабого намека на какое-нибудь, пусть даже скрытое желание гендерного паритета, женского равноправия, эмансипации. Она четко понимает роль женщины в обществе. Более того, ее лирическая героиня, каковой, видимо, в жизни была и она сама, несмотря на принадлежность к золотой молодежи своего времени, носится на каноэ в своих женских мечтах по диким индейским территориям, «стелется» перед мужиком, боготворит возлюбленного. Это современным феминисткам уж точно не понравится. Что поделаешь, приходится считаться с поворотами эволюции… В реальной жизни Полин предпочитала женскую дружбу, замужем никогда не была. Однако, возможно, такая творческая позиция автора и стала причиной ослабления внимания к ней в более позднее время. Надеюсь, это временно, знаю, что в Москве есть общество изучения творчества Полин Джонсон, на русский переведены несколько ее стихотворений. Правда, не показательных, для детской книжки. Другие, видимо, для ознакомления студентов перевели сами участники. Всего я насчитал чуть более десятка… А жаль, считаю Эмили Полин Джонсон одной из наиболее выдающихся поэтов Америки. Кстати, так решили и власти Канады, уделив ей особое место в деле идентичности крайне разноплеменной канадской нации. А мне хочется, чтобы наш читатель решил, так ли это – Советский Союз имел огромный опыт единения народов, но он закончился неудачно. Или еще не закончился…

Блисс Кармен, что с английского можно перевести, примерно, как «блаженный» – кумир эстетствующей интеллигенции, как мне кажется, хотя и рефлексии в его стихах предостаточно. Настоящее имя, данное при рождении – Уильям Блисс Кармен. Я не случайно отметил эту, в общем-то, мелочь, полученное при рождении имя поэт исключил из оборота. И честное слово, я не знаю, что сказать о его творчестве и напряженной жизни. Четыре университета за плечами, включая Гарвардский, жизнь в Нью-Йорке, куда переехал уже в достаточно зрелом возрасте, работа в качестве редактора в ряде газет и журналов. Думаю, газетная работа отрицательно характеризует любого поэта, поскольку убивает душу и делает человека циником. А это я по себе знаю, поскольку на протяжении многих лет хлебнул подобного счастья. Положи-

тельным моментом в судьбе можно назвать редактирование десятитомного собрания лучших поэтов мира. По крайней мере, Блисс Кармен прекрасно знал и разбирался в мировой литературе. А такие люди не станут дописывать «Буколики» за Вергилием. И рекомендации о внесении весной навоза в землю не станут повторять за Плинием Старшим. Шутка! Навоз – дело нужное… Просто мне кажется, что в своей скрытой, глубинной мечте Кармен пытается, по-возможности, обобщить и убрать из Канады англо-саксонскую поэтическую традицию, оставив только общий язык. Другими словами, я бы сказал, он намеревался остановить шекспировскую традицию. И устраивает ей, как это лучше сказать по-русски… «встречный пал». Попытка неудачная, но великая! Шекспир на месте, жертв нет… Ребята, читайте сами, я не знаю, что сказать об этом человеке, но он исключительно талантливый поэт!

Вообще у меня сложилось впечатление, что долгое время канадцам было не до поэзии – страну поднимали долго и тяжело. Но великой стране нужна великая поэзия. И она есть благодаря таким людям, которые представлены в этом сборнике. Они жили в разных городах, много ездили, много видели… И главное – слагали свои замечательные, талантливые песни о родной Канаде, которую сегодня любит и почитает весь мир. Настоящие менестрели огромных северных территорий, морских побережий, великих озер и глухих лесов, больших городов и неизвестных далеких селений. Они в моем сердце, как лучшие люди планеты.

КАТЕХИЗИС ЖИВЫХ СУЩЕСТВ

I

Душа, что создали в тебе обитатели моря?

ГОСПОДИН, мне пропела летучая рыба
Под глубоким фундаментом шторма,
Первобытные чувства тревожат нас, ибо
На просторах земли родилась наша форма.

Сквозь зеленое тусклое море огня
Очертания плещутся красного солнца,
Колебание новых желаний, маня
Нас во мраке тревожном, проснется.

Дрейфовать не желаем безвольно вперед,
Не спасут сквозняки штормового ненастья,
Наша воля не сломлена, трал не берет,
Наше сердце на пике веселья и счастья.

До Полярного круга спускаемся мы,
И из северных волн вырываясь наружу,
Весь народ наш серебряный в царстве зимы
Мимолетным мерцанием радует душу.

А внизу, на разрушенной мельнице грез,
Измельчаем, шлифуя и вторя, -
Завещаний твоих варианты всерьез
Обитателям вечного моря.

II

Душа, что создали в тебе племена поднебесья?

Господин, мне сказал мотылек,
Из ползучей личинки, где был я,
За неделю в пыли превозмог
Несвободу и выпустил крылья

С золотою пыльцою на них
По зеленой с лазоревым ткани,
В прошлом цель превращений моих,
Не испорчены новые грани.

Эфемеры так кратко цветут,
Как сияние в небе багровом,

Мы мгновенно скончаемся тут
Под ночным беспросветным покровом.

Если вздох перепелки замрет,
Прекратится в морозную стужу?
Трепет радости новых забот
Возвратит ее сердце и душу.

Эта жизнь будет вечно порхать,
Выносить из отчаянья память.
И от песен не лучших, как знать,
Постарается землю избавить.

III

Душа, что создали в тебе поселенцы полей?

Господин, семя клена сказало,
Мы закрыты и связаны вроде,
Но весною увидим немало,
Когда рог затрубит на охоте.

Мы твой дом украшаем в холмах
Киноварью и золотом в зелени,
Мы апрельский узнаем размах
В шевелении дерна и плесени.

Уж мигрировать выполз глубинный народ,
Мы ж имеем с прожилками крылья
И фургоны, чтоб в воздухе длился полет,
К родникам направляем усилья.

И зарывшись под дерн в обозримой черте,
Гибнет радостно тихое семя
Оттого, что в пределы далекие те
Сотни лет расселяется племя.

И когда нам в ответ затанцует ручей,
В снежных долах лазурных, открытых, -
Мы твой путь и энергия в ходе вещей,
Следопыты в растительных видах.

IV

Душа, что создали в тебе постояльцы земли?

Господин, когда кончится эта гроза,
Мне сказала лягушка во время дождя,
Из серебряных труб зазвучат голоса,

Мы продолжим наш конкурс чуть-чуть погодя.

Когда южные ветры утихнут совсем
Над прудом на цветочной террасе,
Мы подарим дыхание уст твоих всем
Возрождающим древние связи.

Мы обязаны жить и всегда заявлять
Наших мест негасимую радость,
Ведь свидетельство жизни и водная гладь
Главной ценностью сердца осталась.

Мы должны разбудить и раздуть
Это все на волшебных фанфарах,
Не жалеть ни о чем на земле – наша суть,
Только радость для юных и старых.

И когда из болота доносится трель
Поздней ночью приятной весенней, -
Мы типаж твоих вольных земель
Среди многих земных потрясений.

V

Душа, что создали в тебе времена и народы?
Господин, прирожденный художник сказал,
Позади оставляем мы город
Для холмов, где утрами распахнутый зал
Растревожит наш утренний топот.

Брат наш к дереву был пригвожден
Для крамолы, в нападках жестоки
Они к любящим всем, кто свободен, как он.
Но рассеются ветры в итоге

Для восторга ручьев и заливистых птиц,
Цвета моря и в небе парада,
Красота, что явилась не с книжных страниц,
Настоящая, тихая правда.

Нашу радость мы будем из глины лепить,
Или грань воскресим и оттенки,
Или диких аккордов улавливать нить
Будем вновь из-за призрачной стенки.

Ведь назавтра исполниться могут мечты,
Что сегодня рождаются в жилах, -
Мы модели, которые вылепил ты
В человеческих мыслях унылых.

A Creature Catechism

I

Soul, what art thou in the tribes of the sea?

LORD, said a flying fish,
Below the foundations of storm
We feel the primal wish
Of the earth take form.

Through the dim green water-fire
We see the red sun loom,
And the quake of a new desire
Takes hold on us down in the gloom.

No more can the filmy drift
Nor draughty currents buoy
Our whim to its bent, nor lift
Our heart to the height of its joy.

When sheering down to the Line
Come polar tides from the North,
Thy silver folk of the brine
Must glimmer and forth.

Down in the crumbling mill
Grinding eternally,
We are the type of thy will
To the tribes of the sea.

II

Soul, what art thou in the tribes of the air

Lord, said a butterfly,
Out of a creeping thing,
For days in the dust put by,
The spread of a wing

Emerges with pulvil of gold
On a tissue of green and blue,
And there is thy purpose of old
Unspoiled and fashioned anew.

Ephemera, ravellings of sky
And shreds of the Northern light,
We age in a heart-beat and die

Under the eaves of night.

What if the small breath quail,
Or cease at a touch of the frost?
Not a tremor of joy shall fail,
Nor a pulse be lost.

This fluttering life, never still,
Survives to oblivion's despair.
We are the type of thy will
To the tribes of the air.

III

Soul, what art thou in the tribes of the field?

Lord, said a maple seed,
Though well we are wrapped and bound,
We are the first to give heed,
When thy bugles give sound.

We banner thy House of the Hills
With green and vermilion and gold,
When the floor of April thrills
With the myriad stir of the mould,

And her hosts for migration prepare.
We too have the veined twin-wings,
Vans for the journey of air.
With the urge of a thousand springs

Pent for a germ in our side,
We perish of joy, being dumb,
That our race may be and abide
For aeons to come.

When rivulet answers to rill
In snow-blue valleys unsealed,
We are the type of thy will
To the tribes of the field.

IV

Soul, what art thou in the tribes of the ground?

Lord, when the time is ripe,
Said a frog through the quiet rain,
We take up the silver pipe
For the pageant again.

When the melting wind of the South
Is over meadow and pond,
We draw the breath of thy mouth,
Reviving the ancient bond.

Then must we fife and declare
The unquenchable joy of earth,—
Testify hearts still dare,
Signalize beauty's worth.

Then must we rouse and blow
On the magic reed once more,
Till the glad earth-children know
Not a thing to deplore.

When rises the marshy trill
To the soft spring night's profound,
We are the type of thy will
To the tribes of the ground.

V

Soul, what art thou in the tribes of the earth?

Lord, said an artist born,
We leave the city behind
For the hills of open morn,
For fear of our kind.

Our brother they nailed to a tree
For sedition; they bully and curse
All those whom love makes free.
Yet the very winds disperse

Rapture of birds and brooks,
Colours of sea and cloud,—
Beauty not learned of books,
Truth that is never loud.

We model our joy into clay,
Or help it with line and hue,
Or hark for its breath in stray
Wild chords and new.

For to-morrow can only fulfil
Dreams which to-day have birth;
We are the type of thy will
To the tribes of the earth.

ЛИРИКА

Я когда-то не мог разгадать -
Всхлип весенний душой не постиг,
Страстных птичьих рулад благодать
И лягушек пронзительный крик.

Но с приходом твоей красоты,
На уста налагая ладонь,
В смертном сердце оставила ты
Свой волшебный, бессмертный огонь.

Море, спрашивал я, отчего
Так пустынно, старо, неприветно,
Среди снежных равнин нелегко,
Ледяная зима без просвета?

Лес зачем это, спрашивал я,
Украшает багряная осень,
Неземными цветами земля
Склоны гор расписала у сосен?

Я не мог осознать, почему
Молодые в мечтах расторопны,
И не думал, что это приму -
Под звездою опасные тропы.

Не сумел догадаться тогда,
Что мужчины теряют рассудок,
Красоту созерцая – года
Убеждался: порыв этот жуток.

Что у Времени взяли с руки,
Полной счастья и гибели тоже,
Непреклонной, как жизни круги?
Но теперь понимаю. О, Боже!

A Lyric

Oh, once I could not understand
The sob within the throat of spring,—
The shrilling of the frogs, nor why
The birds so passionately sing.

That was before your beauty came
And stooped to teach my soul desire,
When on these mortal lips you laid

The magic and immortal fire.

I wondered why the sea should seem
So gray, so lonely, and so old;
The sigh of level-driving snows
In winter so forlornly cold.

I wondered what it was could give
The scarlet autumn pomps their pride.
And paint with colors not of earth
The glory of the mountainside.

I could not tell why youth should dream
And worship at the evening star,
And yet must go with eager feet
Where danger and where splendor are.

I could not guess why men at times,
Beholding beauty, should go mad
With joy or sorrow or despair
Or some unknown delight they had.

I wondered what they had received
From Time's inexorable hand
So full of loveliness and doom.
But now, ah, now I understand!

ГОРНЫЙ ПРОХОД

Я знаю перевал, куда пойду однажды,
Июнь вернется, мир обрадуется лету.
Он глубоко лежит, закрытый тенью,
Могучая расселина среди холмов зеленых,
Проход холодный, темный в сердце гор.

Между лесистых склонов путь лежит,
Где бук, каштаны и болиголов,
Среди густого леса лавр раскидисто блестит
Свободно, бело – розовый, как тело Дафны -
Но это все пока удалено от мира,
Как если б там лесных богов арестовали,
И красота вокруг дыханье затаила.

Над головой моей на фоне синих сводов
С огромной высоты нависли серые уступы,
Израненные зимами в снегах тысячелетий.
Дорога вьется от речных земель обширных,
Бродяг счастливых зазывая шаг за шагом
Подняться до высоких гор небесных.

И там, где путь лежит к подножию предгорий,
Ручей сквозь темный лес спускается в долину,
Поет и пляшет молодость рассвета
Среди больших камней и мелких речек,
Лучи пронзают тень деревьев мшистых
И день промок от брызг в его журчанье.

Туда пошел бы я свободно, с легким сердцем,
Поднялся к дому своему между холмами,
У хижины своей сидел в дверном проеме
Я, окруженный в одиночестве безмолвном
Лишь призраками сумерек лесных.

В уединении таком я должен слышать
Среди листвы прохладной вечерами
Дроздов, поющих гимны голосом спокойным -
Невозмутимо чистые, восторженные звуки,
Возможно, это в мудрости небесной
Поют на радость серафимы о начале
Всего, что продолжает вечный ход вещей.

A Mountain Gateway

I know a vale where I would go one day,

When June comes back and all the world once more
Is glad with summer. Deep with shade it lies,
A mighty cleft in the green bosoming hills,
A cool, dim gateway to the mountain's heart.

On either side the wooded slopes come down,
Hemlock and beech and chestnut; here and there
Through the deep forest laurel spreads and gleams,
Pink-white as Daphne in her loveliness –
That still perfection from the world withdrawn,
As if the wood gods had arrested there
Immortal beauty in her breathless flight.

Far overhead against the arching blue
Gray ledges overhang from dizzy heights,
Scarred by a thousand winters and untamed.
The road winds in from the broad riverlands,
Luring the happy traveler turn by turn,
Up to the lofty mountains of the sky.

And where the road runs in the valley's foot,
Through the dark woods the mountain stream comes down,
Singing and dancing all its youth away
Among the boulders and the shallow runs,
Where sunbeams pierce and mossy tree trunks hang,
Drenched all day long with murmuring sound and spray.

There, light of heart and footfree, I would go
Up to my home among the lasting hills,
And in my cabin doorway sit me down,
Companioned in that leafy solitude
By the wood ghosts of twilight and of peace.

And in that sweet seclusion I should hear,
Among the cool-leafed beeches in the dusk,
The calm-voiced thrushes at their evening hymn –
So undistraught, so rapturous, so pure,
It well might be, in wisdom and in joy,
The seraphs singing at the birth of time
The unworn ritual of eternal things.

ВОСПОМИНАНИЕ

Здесь, в Новой Англии великолепной
Лето приходит, в морском развороте
Памяти древней страницу колеблет
Из фолианта, незримого вроде…

Мягко летит ветерок над Гранд-Пре,
Нежно шевелит головки растений,
Сладко вздыхают сады в серебре,
В яблонях воздух белеет вечерний.

Там в череде бесконечных забот
Вечности нить временная отрадна,
В песне морей плещет круговорот,
Воды приливов уходят обратно.

В дамбах запруд, по нагорным местам
Бредут с облаками великие тени,
Тоской мимолетной сменяются там
Красиво на тихой торжественной сцене.

Для волшебства позабытое это
Нежной любви несказанное чудо
В северных землях являет нам лето!
Сердце не знает дороги оттуда?

A Remembrance

Here in lovely New England
When summer is come, a sea-turn
Flutters a page of remembrance
In the volume of long ago.

Soft is the wind over Grand Pré,
Stirring the heads of the grasses,
Sweet is the breath of the orchards
White with their apple-blow.

There at their infinite business
Of measuring time forever,
Murmuring songs of the sea,
The great tides come and go.

Over the dikes and the uplands
Wander the great cloud shadows,
Strange as the passing of sorrow,

Beautiful, solemn, and slow.

For, spreading her old enchantment
Of tender ineffable wonder,
Summer is there in the Northland!
How should my heart not know?

ДИТЯ МОРЯ

Возлюбленная Марджори – дитя
Один спокойный в жизни час не знала,
А ныне море – нянька старая, пыхтя,
Ее укачивает у причала.
Удочеренная ребенком Марджори
Имеет в жилах ритм и страсть движенья,
И радость волн морских в лучах зари,
И солнца белого полуденное жженье.

A Sea Child

The lover of child Marjory
Had one white hour of life brim full;
Now the old nurse, the rocking sea,
Hath him to lull.
The daughter of child Marjory
Hath in her veins, to beat and run,
The glad indomitable sea,
The strong white sun.

ПЕСНЯ ПЕРЕД ОТПЛЫТИЕМ

Ветер походки решительной вниз
Носит по улице гулкой сюрприз
В городе старом – у моря для вас
Есть сообщенная новость сейчас!
Та, что меня переносит из грязи,
Рвет с эпидемией времени связи!

Сердце болит и негодно к войне,
С раной моей неспособно вдвойне.
Холод и дрожь я в костях ощутил,
В лунном сиянье не чувствую сил,
Бледных камней разглядеть не могу,
Рано старею я на берегу.

Зов переносится с места на место,
В сумрак пустынный летит повсеместно,
Но только эхо я слышу в ответ,
Слов первозданных давно уже нет.

Рыскаю в дебрях от двери до двери,
Друга там нет, где скрываются звери,
Где волчий страх новобранца-слуги
Нюхает сзади мои каблуки.

Звуки глухие я слышу сейчас,
К берегу с борта отправлен баркас,
Ближе снастей перестук и шаги,
Сверху на палубе ждут моряки.

Это предвестие шторма, ура,
Мне с кораблем отправляться пора.
Рупором руки, командуешь ты,
Мой капитан темноты.

О, расскажи, вольный ветер Востока
Великого, кто нас бродить одиноко
Выпустил из запыленного порта
Подальше от гула людского у борта,

Под звездами, что пребывают на страже
Входа глубинного в темном пейзаже,
Голос твой мрачный несет над волнами
Звуки мелодий, забытые нами.

Не нужно мне песен, свободные ветры,

О хлебе, вине или символах веры,
Пределы колоний лежат временных
За гранью простых размышлений о них.

Ветер походки решительной – вниз
К морю по улице ранней лети и резвись,
Авантюрист и искатель иных приключений,
Что ж, до свидания, мир, я – последний.

A Song before Sailing

Wind of the dead men's feet,
Blow down the empty street
Of this old city by the sea
With news for me!
Blow me beyond the grime
And pestilence of time!
I am too sick at heart to war
With failure any more.
Thy chill is in my bones;
The moonlight on the stones
Is pale, and palpable, and cold;
I am as one grown old.

I call from room to room
Through the deserted gloom;
The echoes are all words I know,
Lost in some long ago.

I prowl from door to door,
And find no comrade more.
The wolfish fear that children feel
Is snuffing at my heel.

I hear the hollow sound
Of a great ship coming round,
The thunder of tackle and the tread
Of sailors overhead.

That stormy-blown hulloo
Has orders for me, too.
I see thee, hand at mouth, and hark,
My captain of the dark.

O wind of the great East,
By whom we are released
From this strange dusty port to sail
Beyond our fellows' hail,

Under the stars that keep
The entry of the deep,
Thy somber voice brings up the sea's
Forgotten melodies;

And I have no more need
Of bread, or wine, or creed,
Bound for the colonies of time
Beyond the farthest prime.

Wind of the dead men's feet,
Blow through the empty street;
The last adventurer am I,
Then, world, goodby!

АКВАРЕЛЬ

В моей каморке есть рисунок на стене,
Он дни невзгод и мрака освещает мне, -

Цветет под судьбоносным хмурым взглядом,
Во время нудной городской работы рядом,

Во время многих-многих зимних драм
Душа вокруг не видит серость только там,

В нем подлинный Июнь хранит бумага,
Несет для духа удовольствие и благо.

Едва с ладонь картинки этой ширина,
Что в рамку на стене смогла вместить она,

Но мне напоминает все ж распахнутую дверь,
В которую на радость я смотрю теперь,

Там, где лежат равнинные болота,
Спокойный взгляд уводит в дали позолота,

И нереальный синий цвет струит прохладу,
В прекрасную иллюзию вдыхая жизнь и правду.

Итак, я отправляюсь в путешествие туда
В благословенном свете солнца без труда,

Вокруг спокойствие зеленое на мили,
Вниз к морю по реке мои несутся мысли.

Где бродят вольные морские птицы,
И ветер с моря на холмы и в долы мчится,

Шум гальки принося и гулкий в скалах рев,
Где берег розовый и сумрачный суров,

И аромат сквозит из самых скрытых мест -
От старых корабельных дел окрест.

Среди всего стою торжественно на дюне,
Что здесь, должно быть, выросла в Июне

Когда волшебным мановением рука
Земле морские чары шлет издалека.

Спадает волшебство и магия былого,
Фруктовый сад в оттенках серо-голубого

И фиолетовые там высокие стволы,
Оранжевые иволги в ветвях из синевы

Пронзают пламенем и свистом кроны
На этой райской сцене, где свои законы.

Гуляю праздно я в картинке целый час,
Там бузина цветет как будто среди нас,

Кустарник боб уайт за край зовет меня
У пастбища, бутонами звеня.

И размышляя в ароматном зное,
Где ягодка сладка и мнение иное,

Я вижу, как бегут на солнце тени
По склонам от деревьев и растений.

А, может, через мост дойти смогу
До мшистых мест грибных на берегу,

Где, искупавшись, люди на песке
Лежат и загорают налегке.

Так я ворота времени пройду,
И климатических пределов череду,

И рукотворную уродливую улицу людей
Изменит Божий мир зеленый, чудный в ней.

Усталость тела, раздражение ума
Исчезнут, как из глаз и улица сама,

Тогда опять вполне своей душой владею,
И контролируя себя, уравновешен ею,

Искусства магия волшебная проста -
Свободу сердцу дарит красота.

A Water Color

There's a picture in my room
Lightens many an hour of gloom,—

Cheers me under fortune's frown
And the drudgery of town.

Many and many a winter day
When my soul sees all things gray,

Here is veritable June,
Heart's content and spirit's boon.

It is scarce a hand-breadth wide,
Not a span from side to side,

Yet it is an open door
Looking back to joy once more,

Where the level marshes lie,
A quiet journey of the eye,

And the unsubstantial blue
Makes the fine illusion true.

So I forth and travel there
In the blessed light and air,

Miles of green tranquillity
Down the river to the sea.

Here the sea-birds roam at will,
And the sea-wind on the hill

Brings the hollow pebbly roar
From the dim and rosy shore,

With the very scent and draft
Of the old sea's mighty craft.

I am standing on the dunes,
By some charm that must be June's,

When the magic of her hand
Lays a sea-spell on the land.

And the old enchantment falls
On the blue-gray orchard walls

And the purple high-top boles,
While the orange orioles

Flame and whistle through the green
Of that paradisal scene.

Strolling idly for an hour
Where the elder is in flower,

I can hear the bob-white call
Down beyond the pasture wall.

Musing in the scented heat,
Where the bayberry is sweet,

I can see the shadows run
Up the cliff-side in the sun.

Or I cross the bridge and reach
The mossers' houses on the beach,

Where the bathers on the sand
Lie sea-freshened and sun-tanned.

Thus I pass the gates of time
And the boundaries of clime,

Change the ugly man-made street
For God's country green and sweet.

Fag of body, irk of mind,
In a moment left behind,

Once more I possess my soul
With the poise and self-control

Beauty gives the free of heart
Through the sorcery of art.

ЛЕСНАЯ ДОРОЖКА

Вечерами и в утренней дымке
Я ищу заколдованный путь,
Чтоб в лесу по тропе-невидимке
В изумлении молча шагнуть.

Нас двоих вела эта дорога
В полумраке брели ты и я,
Красота твоя – брызги восторга,
Дух мой – вопль и плач бытия.

Сверху падают красные листья,
Лунный отсвет, туманы, дожди,
Но дорожка обычная лисья
Не сулит волшебства впереди.

A Wood-path

At evening and at morning
By an enchanted way
I walk the world in wonder,
And have no word to say.

It is the path we traversed
One twilight, thou and I;
Thy beauty all a rapture,
My spirit all a cry.

The red leaves fall upon it,
The moon and mist and rain,
But not the magic footfall
That made its meaning plain.

АПРЕЛЬСКОЕ УТРО

И снова в туманном апреле
Земля в облаченье зеленом,
Вдоль речки извилистой встали
Плакучие ивы с поклоном.

На луг за широкой равниной
Седые надвинулись горы,
Зубцы, как волшебные стены
В небесные смотрят просторы.

И в каждой лесистой долине
Растений пробились бутоны,
Как будто сердца их и чувства
К любым временам благосклонны.

Из птиц златокрылых и синих
Хоры в небесах зазвучали,
У сосен, дрейфующих в дымке
Костров, догорают печали.

В саду у сестры моей рядом,
Где бриз залетает в оконце,
С утра золотые нарциссы
Восторженно дышат на солнце.

An April Morning

Once more in misted April
The world is growing green.
Along the winding river
The plumey willows lean.

Beyond the sweeping meadows
The looming mountains rise,
Like battlements of dreamland
Against the brooding skies.

In every wooded valley
The buds are breaking through,
As though the heart of all things
No languor ever knew.

The golden-wings and bluebirds
Call to their heavenly choirs.
The pines are blued and drifted

With smoke of brushwood fires.

And in my sister's garden
Where little breezes run,
The golden daffodillies
Are blowing in the sun.

«Апрель одевает наряд…»

Апрель одевает наряд
Блестящих сейчас Ореад,
И южным восторженным ветром
Является миру с приветом.

А солнечный свет на челе
В серебряной дымке дождей,
Над Англией Новой апрель,
Цветочное платье на ней.

Фиалка здесь и анемон
На море их взор устремлен,
Из губ выдувает свирель
Мотив этих древних земель.

April now in morning clad
*** * ***

April now in morning clad
Like a gleaming oread,
With the south wind in her voice,
Comes to bid the world rejoice.

With the sunlight on her brow,
Through her veil of silver showers,
April o'er New England now
Trails her robe of woodland flowers,—

Violet and anemone;
While along the misty sea,
Pipe at lip, she seems to blow
Haunting airs of long ago.

АПРЕЛЬСКОЕ

Когда Апрель придет с лучами солнца,
И ливни застучат, и зацветет сирень,
Душа с внезапной радостью проснется,
Вдыхая ароматы грудью каждый день.

Лазурь в глазах, как истина от Бога,
Сияет в глубине небес сердечной -
Создание душевного восторга
И тайны молодости вечной.

Забыто сожаление в печали
Всех древних лет минувших,
Ведь с горем жить захочется едва ли,
И память слезную тревожить в душах.

И потому в помине не осталось
Отчаянья потери и утраты,
А только любящая радость.
О, Сердце, как мы были рады!

Aprilian

When April came with sunshine
And showers and lilac bloom,
My heart with sudden gladness
Was like a fragrant room.

Her eyes were heaven's own azure,
As deep as God's own truth.
Her soul was made of rapture
And mystery and youth.

She knew the sorry burden
Of all the ancient years,
Yet could not dwell with sadness
And memory and tears.

With her there was no shadow
Of failure nor despair,
But only loving joyance.
O Heart, how glad we were!

СОЗДАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Вперед выходят толпы Рафаэля
В ливреях золотых,
Поют хоры и их ритмичность
Вращает сферы между них, -
Затишья утреннего Серафимы,
Чей жар сердец и голос не затих.

Он должен быть рожден душою,
Тоскующей духовной частью,
Сердечник и ядро услад насущных
Небезразличное к страданию и счастью,
Движение из оболочки прежней,
Когда весна зазеленеет новой властью, -

Суть высшей силы, мощи и терпенья,
Скрывающейся в плазмах глинозема,
Набросок пылкий, необузданный и страстный,
Под жаром чувств затишье и истома,
Чтоб мудрую мечту осуществить однажды,
Бессмертную в период перелома.

Апрельский мягкий, нежный пыл
Согреет ожидающий суглинок,
Зашепчет, запульсирует по жилам,
Прикажет победить холодность льдинок,
Учиться должен он исходу удивляться
Под куполом лазурным в поединок.

Хотя пути всепоглощающей природы
Его научат в жизни сожалеть,
Румяные огни осенние заманят
Потом скорей в пылающую медь,
И к большей радости туда уйти нацелят,
Как из дверей на счастье посмотреть.

Честь и надежду будет он иметь,
Суровый нрав, доверие и гордость,
Выдерживая путь к заветной цели,
Чтобы душа в кромешной тьме боролась
И видела с любовью полный шар Луны,
Когда у месяца еще открыта полость.

Он будет жив своею добротой,
Святой уверенностью сердца,
Идти без страха, двигаясь вперед,

В пути пытаясь ей согреться,
Естественный в одном лишь амплуа, -
Слуги добра простого и владельца.

Серебряные латы в войске Гавриила
Оденет и суровый синий плащ,
Бессмертных знаний страж и вечной мысли,
Искатель высших истинных задач,
Поднимет тему, чтобы мир бездушный
В значении ином по-новому напрячь.

Он должен быть для разума рожден,
Притом имея первобытную потребность,
Чтоб понимать и следовать всегда
За истиной без страха, не колеблясь, -
И мудро, словно дерево, расти,
Из семени выстраивая крепость.

Не чуждый наблюдатель у овчарни
С невольным изумлением в глазах,
Увидит времена, определит сезоны,
Движение планет и звезд на небесах,
Придут великие с круговоротом этим
Догадки в пробужденных чудесах.

За гранями, невидимыми глазу,
За досягаемостью звука
С искусной хитрецой творец огня
Весной не разгибается от плуга,
Светил небесных тайны познает упрямо
И смысл глубокий жизненного круга.

Он должен доказать все сущее на свете,
Власть разума и доброй красоты,
Открыть в себе природы сердце
Божественное, как его мечты,
Сам образ в этом мире он и символ
Триады чувств, что вечны и просты.

Он должен понимать и чувствовать, как пламя
Далеких знаний разгорается в тумане,
Сам светоч яркий, что костром горит
Под берегом морским в рыбацком стане,
Когда лучи торжественного солнца
Плывут и растворяются на грани.

Потом из первобытного инстинкта
Где клетка логова знакома лишь ему,
Он выйдет непременно, чтоб вопросы

Задать: когда, откуда, почему,
Все до последней истины мельчайшей
Обязан положить в свою суму.

В плащах багряных Михаила рать святая
Слова произнесла, и он запел!
Труба под сводом неба зазвенела,
И весь небесный зазвучал предел,
О, это те, кто не боится острых чувств,
И красоту, как боль познать хотел.

Он должен быть гармонией оформлен,
Где красота и сила есть одно,
И гибок, и угодлив, и податлив,
И ярок, как цветное полотно,
Устойчив на питающей земле, -
Дождям и ветру воспитать его дано.

Не падать в вихревом водовороте
С игрой растущих в бездне сил, -
Уравновешенный, и не могучий вроде,
Но выстоял, пощады не просил,
Пока энергию, пространство, время
Он властью разума не победил.

Свободен путешествовать всегда
Над переполненной землей,
Искатель ненасытный он,
Скиталец от рождения чужой,
Одетый мимолетной дымкой смысла,
Но с силой духа затяжной.

Власть обретет его рука когда-то
Над всем, что в этом мире есть,
Все образы вселенной выйдут из фантазий
Его, а смыслов в них не перечесть,
Чтобы до тысячи живых планет летела
Его свободной мысли весть.

И вотчиной свободы станет целый мир,
Законным царством мастерства,
Приливы понесут триумфа колесницу,
А ветер будет поспевать за ним едва,
И ни один потоп, огонь или мороз
Не отберет назад его права.

То будет существо, способное нести
Свободный творческий огонь,
Любая правда, выходя из чистых уст,

Но вдохновенная, какую ни затронь,
Красива, восхитительна во всем, -
В мечтах создаст предмет желаний он.

At the Making of Man

First all the host of Raphael
In liveries of gold,
Lifted the chorus on whose rhythm
The spinning spheres are rolled,–
The Seraphs of the morning calm
Whose hearts are never cold.

He shall be born a spirit,
Part of the soul that yearns,
The core of vital gladness
That suffers and discerns,
The stir that breaks the budding sheath
When the green spring returns,–

The gist of power and patience
Hid in the plasmic clay,
The calm behind the senses,
The passionate essay
To make his wise and lovely dream
Immortal on a day.

The soft Aprilian ardours
That warm the waiting loam
Shall whisper in his pulses
To bid him overcome,
And he shall learn the wonder-cry
Beneath the azure dome.

And though all-dying nature
Should teach him to deplore,
The ruddy fires of autumn
Shall lure him but the more
To pass from joy to stronger joy,
As through an open door.

He shall have hope and honour,
Proud trust and courage stark,
To hold him to his purpose
Through the unlighted dark,
And love that sees the moon's full orb
In the first silver arc.

And he shall live by kindness

And the heart's certitude,
Which moves without misgiving
In ways not understood,
Sure only of the vast event,–
The large and simple good.

Then Gabriel's host in silver gear
And vesture twilight blue,
The spirits of immortal mind,
The warders of the true,
Took up the theme that gives the world
Significance anew.

He shall be born to reason,
And have the primal need
To understand and follow
Wherever truth may lead,–
To grow in wisdom like a tree
Unfolding from a seed.

A watcher by the sheepfolds,
With wonder in his eyes,
He shall behold the seasons,
And mark the planets rise,
Till all the marching firmament
Shall rouse his vast surmise.

Beyond the sweep of vision,
Or utmost reach of sound,
This cunning fire-maker,
This tiller of the ground,
Shall learn the secrets of the suns
And fathom the profound.

For he must prove all being,
Sane, beauteous, benign,
And at the heart of nature
Discover the divine,–
Himself the type and symbol
Of the eternal trine.

He shall perceive the kindling
Of knowledge, far and dim,
As of the fire that brightens
Below the dark sea-rim,
When ray by ray the splendid sun
Floats to the world's wide brim.

And out of primal instinct,

The lore of lair and den,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.